

Юрий Друми

О Евангелии *вслух и про себя*

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

УДК 274/278

ББК 86.376

Д76

В представленном издании используется три перевода Библии на русский язык. Для удобства понимания приняты следующие обозначения:

РБО – перевод Российского библейского общества, 2011 год.

ИПБ – перевод Института перевода Библии в Заокском.

Во всех других случаях использован Синодальный перевод Библии 1876 года с орфографическими исправлениями, соответствующий изданию Российского библейского общества 2001 года.

На обложке использована репродукция картины венецианского художника второй половины XVI века Лоренцо Лотто «Принесение во храм» (1554–1555).

Друми Ю.

Д76 О Евангелии вслух и про себя. — Заокский: «Источник жизни», 2014. — 224 с.

ISBN 978-5-86847-887-1

УДК 274/278

ББК 86.376

ISBN 978-5-86847-887-1

© Издательство «Источник жизни», 2014

Содержание

Предисловие	5
Слова и слезы (Лк. 7:36–50).	11
Тело и дело (Лк. 17:11–19	23
Аминь и камень (Лк. 18:18–28).	37
Крест и кресло (по Евангелиям от Иоанна и Луки).	53
Ночь и день (Ин. 3:1–21; 7:50–52; 19:39–42)	75
О рачительности и расточительности	93
Не напрасно (Мф. 5:21–26)	111
Дом и Дух (Лк. 11:24–26; Мф. 12:43–45)	127
Как становятся атеистами.	143
Вера и тело	159
Возраст Христа и Церкви	173
Когда больше — меньше	201
Первая пенсия	213
Птичье сердце	215

Предисловие

Уже с первых дней своего существования христианская вера выслушала по своему адресу много и лестного, и нелестного. Изумление, радость, восторг — так реагировали одни; ненависть, угрозы, преследования — такой была реакция других. Были и те, кто юродствовал, насмехался. Были всякие, но практически не было равнодушных. Порой на проповедников Христа смотрели как на людей, «перевернувших вверх дном весь мир» (Деян. 17:6; ИПБ).

Было в христианской проповеди что-то такое, о чем люди не могли сказать иначе, нежели как о перевороте привычного порядка вещей. Но христианство не ставило своей целью идейно оккупировать древний мир. Первые христиане не знали, что такое министерство пропаганды и что такое медиаагрессия. Этими вещами ведала канцелярия в Риме, а не горница в Иерусалиме, откуда, собственно, и ведет свое начало история распространения молодого религиозного движения. Этих людей объединяло одно: каждому из них хоть раз в жизни довелось встретиться с Иисусом. Такой встречи было достаточно

для того, чтобы стать новым человеком, посмотреть на мир новыми глазами, ощутить в себе новую жизнь. Очевидно, что христианское Евангелие явило себя миру не как *знание*, а как *знакомство* – с *Иисусом*.

Евангельские записи о таких встречах-знакомствах чрезвычайно скудны. За редчайшим исключением, эти описания носят характер кратких сообщений, передающих ключевые слова и действия участников встречи. Но даже и того, что есть, вполне достаточно, чтобы не только стать свидетелем такой встречи сегодня, но и самому пережить ее, прямо здесь и сейчас. Как это возможно? Став Человеком и встретившись с человеком, Иисус в некотором смысле встретился с человечеством, со всеми людьми и с каждым из них в отдельности.

Человек есть человек всегда, и тесто, из которого он выпечен, одно во всех и на всех. Земляне, а не инопланетяне окружали Иисуса и разговаривали с Ним, слышали и осязали Его. Отсюда возникает естественное ощущение схожести между человеком тогда и человеком сегодня: те же вопросы и сомнения, те же грехи и грезы. Этим, пожалуй, и объясняется значимость евангельского слова сегодня, тысячелетия спустя после их произнесения.

«Соедини точки, и получится изображение» – это одно из любимых занятий ребенка, благодаря которому он открывает для себя новые смыслы через воспроизводимые им визуальные образы. Что-то подобное ожидается и от читателя евангельских повествований. Каждый рассказ – это некоторый набор «точек», которые нужно соединить, чтобы получить более полную картину происходящего. Это требует умственных усилий, работы воображения, знания и духовного напряжения. Еще нужно

считаться с тем, что если одни «точки» сосредоточены в одном рассказе, то другие рассредоточены по всему Евангелию, хотя тоже имеют отношение к избранному рассказу. Что интересно: как нет двух совершенно идентичных листьев, так нет и двух совершенно одинаковых способов соединения «точек» в рассказе. С другой стороны, несмотря на все существующие между листьями отличия, они по-прежнему остаются листьями и не превращаются, скажем, в шишки. Так и евангельские рассказы остаются самими собой, даже если разными людьми они прочитываются по-разному.

Первые пять проповедей, предлагаемых читателю книги «О Евангелии вслух и про себя», представляют собой передачу пяти евангельских рассказов в форме драматического монолога, который ведется от имени того или иного героя рассказа. В некоторых случаях монологи носят исповедальный характер. Связано это с тем, что практически все рассказы в Четвероевангелии построены так, что последнее слово всегда произносится Иисусом. Но вот какой была или хотя бы *могла* быть реакция человека на это слово? О чем он подумал или *мог* подумать, услышав от Иисуса какой-то вывод или жизненный урок? Ясно, что об этом можно лишь догадываться, это можно только предположить, но нельзя утверждать как нечто несомненное.

С другой стороны, не думать об этом тоже нельзя, иначе Евангелие не выйдет за границы времени, когда оно было создано. В таком случае читателя настигнет опасность остаться безучастным к описанному. А такой результат прямо противоположен намерению автора. Ведь Евангелие должно быть прочитано *сегодня*, понято *сегодня*,

воплощено *сегодня*. Считать, что Евангелие – это книга прошлого, есть большая ошибка. И Бог остается в прошлом, если Его не «пускают» в настоящее. Вот чем диктуется необходимость вжиться в рассказ и пережить его драму, испытать в своем сердце волнения, хотя бы отдаленно напоминающие волнения тех, кому довелось встретиться с Иисусом.

Каждый такой рассказ от первого лица автор предваряет краткой информацией справочного характера. Такого рода информация необходима для передачи дополнительных деталей «сцены», что расширяет горизонт восприятия повествования. После рассказа, в качестве богословского дополнения к нему, следуют выводы, которые должны помочь читателю актуализировать мораль рассказа.

Другие главы книги, за исключением двух последних коротких рассказов и предшествующей им статьи, представляют собой проповеди автора. Переданы они уже не в форме драматичного монолога, а как размышления автора в русле заявленной темы.

Книга «О Евангелии вслух и про себя» стала результатом двунаправленного прочтения христианского Евангелия. Одна сторона такого чтения – это когда человек читает Евангелие как рассказ об Иисусе – основателе новой религии. Другая сторона – это когда Евангелие «прочитывает» читающего его. Если в первом случае человек всматривается в личность Того, кто называл себя Христом и Сыном Божиим, то во втором случае человек сам ощущает на себе взгляд этой личности.

Отдаю на издание настоящую книгу с молитвой и в надежде принести духовную пользу читателю. Свои

– Предисловие –

отклики вы можете присылать автору, отправив свое сообщение по адресу: drumi@zau.ru или обычным письмом на адрес: 301000, ул. Руднева 43-а, п. Заокский, Тульская обл., Россия.

Ю. Н. Друми
п. Заокский, апрель 2014 г.

Слова и слезы

Лк. 7:36–50

Северная провинция Палестины Галилея. После ряда совершенных чудес отношение к Иисусу по-прежнему неоднозначное. Иоанн Креститель уже в тюрьме, но память о нем не исчезла. Люди невольно сравнивали две личности и недоумевали: что вознамерился сделать Бог через Своих посланников – Иоанна и Иисуса? Каждый из них делал свои заявления от имени Бога. Все чаще и чаще Иисус попадает в поле зрения религиозной элиты, которая никак не может определиться с тем, как же быть с Ним, поверить Ему или нет. К себе в дом Иисуса приглашает Симон фарисей. Среди званных гостей в доме оказывается и незванный гость, женщина не с самой лучшей репутацией. Симон начинает свой рассказ...

Я фарисей. Фарисейство – мое кредо, моя вера. Так я воспитан, так я научен. Каждый, кто принадлежит религиозному течению фарисеев, борется за свою ступень на лестнице праведности. Быть не таким, как прочие люди – вору,

жулики, искатели любовных утех – вот что для меня главное. И я благодарю Бога, что я не пьяница, не вор, не разбойник. Благодарю Бога и за то, что я не пошел работать в налоговую инспекцию, в этот презренный офис мошенников и предателей. Быть лучше другого и быть выше другого – это мое, мой нравственный идеал. Как и другие фарисеи, все Божественные заповеди я свел к одной: держись от греха на километр, а от грешника – на десять.

У нас есть много конкурентов, которые предлагают свою философию жизни. Время от времени появляются учителя с очень большими притязаниями. Они живут как странствующие проповедники, обращаются с горячими проповедями к народу, вербуют себе сторонников, обещают людям золотые горы. Это самые фанатичные из всех фанатиков. Они думают, что это Бог их направил на создание отрядов духовных воинов и политических мятежников. Недавно появился еще один самозванец. Расскажу вам о нем.

Это был человек по имени Иоанн. Странная личность. Одевался, как дикарь, и вел себя не лучше. Нигде не учился, ни с кем не водил дружбу, кроме горстки таких же, как и он сам, фанатично настроенных идеалистов. Кто ходил на его проповеди, тот запомнил, с какой яростью он обличал своих слушателей. Это были не просто проповеди учителя-самозванца, а громы и молнии экзальтированного пророка. От громовержца доставалось всем, даже нашей фарисейской братии. Когда Иоанн увидел, что к нему идут фарисеи и саддукеи, глядя им прямо в глаза он сквозь зубы процедил: «Змеиное отродье! Кто вам сказал, что вы избежите грядущего на вас возмездия? Жизнью докажите искренность вашего покаяния».

И надо же, при таких речах Иоанн приобрел широкую популярность в народе. Люди толпами выходили к реке, где он учил, чтобы креститься от него. Я же думал, что в нем бес. Народ по-прежнему стекался к нему. Многих из своих слушателей, кто шел к нему с покаянием, он крестил в реке Иордан. Они называли это «крещением покаяния», считая, что это должно приготовить путь для наступления Царствия Божия. Но я, фарисей, и мысли не допускал, чтобы принять крещение от этого самозванца. «Какое там Царство Божие? – думал я. – Если оно когда-то и наступит, то не такие выскочки должны провозгласить о нем».

Однако все оказалось сложнее, чем я поначалу думал. Дело в том, что у Иоанна нашелся серьезный заступник. Это был его родственник и единомышленник, раввин, чье влияние в народе росло день ото дня. Звали Его Иисус. Это Он говорил, что в Иоанне исполнилось древнее пророчество, что из рожденных женщинами не было ни одного пророка, сравнимого с Иоанном. И меня, и других фарисеев это очень задевало.

«Как это так, – думал я, – поставить этого пустытника выше всех пророков?!» Иисус видел, с какой прохладой многие из нас, фарисеев, отнеслись к проповеди Иоанна, и Его комментарий не заставил себя долго ждать:

«С кем же сравнить Мне людей этого поколения? На кого они похожи? Они похожи на детей, которые сидят на рыночной площади и, обращаясь друг ко другу, говорят: „Мы играли вам на свирели, и вы не плясали, мы пели похоронные песни, и вы не плакали“.

Пришел Иоанн Креститель, не ел хлеба и не пил вина – и вы говорите: „В нем бес“. Пришел Сын Человеческий, и ест, и пьет – и вы говорите: „Вот человек, невоздержанный в еде и пьющий вино, друг сборщиков налогов и грешников“» (Лк. 7:31–35, ИПБ).

Тут я задумался. И думал я уже не о том, кем был Иоанн, а о том, кем же был Иисус. Сегодня, в субботу, я был на Его проповеди в нашей синагоге. И мне пришла мысль, чтобы пригласить этого Человека в свой дом. «Почему бы и нет? – думал я. – Присмотрюсь к нему поближе, задам несколько вопросов, послушаю его рассуждения. Если повезет, заманю Его в ловушку и буду смотреть, как Он из нее выбирается». Я знал, что Иисус довольно охотно откликается на приглашения самых разных людей. Многие считали даже за честь принимать у себя такого гостя. И я тоже решил на этот шаг и пригласил Иисуса к себе на обед. Пригласил я и нескольких своих друзей из числа фарисеев.

Иисус не пришел один, с Ним было несколько учеников. «Человек как человек, – сказал я себе, окинув гостя оценивающим взглядом, – ничего особенного». Мне и не снилось, чем обернется для меня эта встреча.

Я пригласил гостей возлечь у невысокого стола, что стоял в середине комнаты. Произнеся слова благодарения, мы приступили к трапезе. Беседа текла непринужденно. Я же внимательно следил за Иисусом, за Его манерами, и все ждал, что Он скажет что-то важное. Может быть, он прояснит вопрос о том, как же мы должны относиться к Его предшественнику Иоанну, который теперь находится в темнице.

«Человек как человек. Ничего выдающегося в Нем нет, – снова подумал я, – и ест, и пьет, и ничем не отличается от простых смертных». Что же снискало Ему такую популярность? Почему же за Ним ходят толпы? Мне только предстояло раскрыть для себя эту тайну.

Тут в мой дом вошла женщина, и у меня сразу учащенно забилось сердце. Я знал, кто и что это за женщина. Никто другой не знал ее так хорошо, как я. Она уже бывала здесь, и только я один знал, зачем она приходила сюда. Я не хотел, чтобы об этом узнал кто-то еще. Душа моя сжалась в тревожном ожидании: что у нее на уме? Что она собирается делать? Я чувствовал, как меня настигает мое прошлое. Еще мгновение, и тайное станет явным. «Только не это, только не это, – думал я. – Только не здесь, не при гостях».

«Будь благоразумна, умоляю», – говорил я про себя, обращаясь сам не зная к кому. Холодный пот выступил у меня на лбу. Никто не знал, что было между нами, и этого нельзя было знать никому. Глядя на женщину, я старался держать себя в руках и не подавать виду, что знаю ее. «Хоть бы все обошлось, – говорил я себе, – хоть бы она не пустилась в истерику и не выставила меня в дурном свете. Поскорей бы ей уйти отсюда». Я обвел взглядом окружающих: не догадывается ли кто-нибудь из них о том, что было между нами?

Прошло еще несколько мгновений. Я смотрю, как эта женщина приближается к Иисусу и... плачет. Слезы градом покатались из ее красивых глаз, и ей их было не остановить. Но ее слезы не исчезали бесследно в полу, а падали прямо на ноги Учителя, Который возлежал у стола с трапезой. Женщина это заметила. Приглушенно всхлипывая,

она склонилась к ногам Иисуса и начала отирать их распущенными волосами своей головы. Я не мог поверить собственным глазам. «Какое безумие и бесстыдство! Что ты делаешь? – негодовал я в своей душе, молча глядя на происходящее. – Кто тебя сюда звал? Какой позор, какой позор! Что ты натворила?»

Воцарилась гробовая тишина. Никто не смел кушать, никто не смел произнести и слова. Внимание всех было приковано к женщине, которая, которая... о нет! – она целует Иисусу ноги!

Я проклинал тот день, когда принял решение пригласить Иисуса в свой дом. Зачем на мою голову эти терзания? Как дурно она была воспитана, если не сумела выдержать даже самые элементарные правила приличия.

Пока я и гости изумленно переглядывались, эта женщина, не обращая на нас никакого внимания, разбила маленький сосуд с благоухающими ароматами и вылила его на ноги Иисуса. Я свидетель, все было именно так: омыла слезами, отерла волосами, поцеловала губами, помазала ароматным маслом и при этом не произнесла ни одного слова.

Такие вещи случайно не происходят. Было ясно, что она знала, зачем пришла. Но Иисус... будь Он действительно пророк, знал бы, что это за женщина, которая прикасается к Нему, ведь она грешница! Инстинкт и первая заповедь фарисея говорили мне: держись от греха на километр, а от грешницы – на десять. Иисус же не понимал даже этого. Недаром же говорят, что в Нем бес.

Придя немного в себя, я вдруг увидел, что поведение женщины несколько не смутило Иисуса. Смутился я, но не Иисус, смутились все остальные, но не Иисус. Это мы,

мужчины, тянули шеи и переглядывались, не понимая происходящего, но не Иисус. По всему было видно, что Он *принял* поступок женщины. Ни слова упрека, ни слова нравоучения, ничего. Я тоже молчал, погрузился в себя, не смея произнести ни слова. На самом же деле я сказал очень много, но не вслух, а про себя.

Мое молчание нарушил спокойный голос Иисуса:

– Симон, хочу что-то сказать тебе.

– Говори, Учитель!

– Два человека взяли деньги в долг у одного ростовщика: один должен был ему пятьсот динариев, а другой – пятьдесят. Так как им нечем было заплатить, он простил им обоим. Как ты думаешь, кто из них будет более благодарен тому ростовщику?

Иисус знал мою фарисейскую душу и видел, что она сребролюбива. Лучшего способа, чем объясняться со мной на языке денег, найти было нельзя. Итак, мне был задан вопрос: «Кто из двух человек будет более благодарен благодетелю, простившему одному большой долг, а другому в десять раз меньше?»

– Скорее всего, тот, которому он больше простил, – ответил я неуверенно, потому что не понимал, к чему клонит Учитель.

– Ты прав, – сказал мне Иисус. И, повернувшись к женщине, добавил: – Видишь эту женщину? Я пришел к тебе в дом, и ты не дал мне и воды, чтобы омыть мне ноги, – она же слезами облила Мне ноги и отерла волосами своими. Ты при встрече не удостоил Меня поцелуем, а она с тех пор, как Я вошел, не перестает целовать Мои ноги. Ты елеем головы Моей не помазал, а она благовониями умастила ноги Мои. Вот Я и говорю тебе, что прощены

ей грехи ее многие, и свидетельством тому – ее сильная любовь ко Мне, ее большая благодарность. Кому же мало прощается, тот и любит мало, и благодарит мало.

В моем сознании болью пульсировали слова: «Ты... она; ты, Симон... она, женщина; ты, Симон фарисей... а она, женщина грешница. *Ты поскупился дать Мне то, что дешево, а она не поскупилась дать Мне то, что дорого. Ты поскупился дать Мне то, что можно купить, а она не поскупилась дать Мне то, чего не купишь ни за какие деньги – слезы покаяния. Ты не просил прощения, потому что не покаялся в своем грехе. Она же не только раскаялась, но своими действиями подтвердила искренность своего покаяния.*»

В доме снова воцарилась мертвая тишина. Все молчали. Сбивчивые мысли теснились в моем сознании, и я не знал, что с этим поделать. Иисус словно говорил мне: «Симон, ты думаешь о ней, что она большая грешница. Ты даже знаешь, в чем она грешна. Но ты не знаешь, что ее грехи остались в прошлом. О себе же ты думаешь, что ты великий праведник, не желая признать, что твои-то грехи по-прежнему на тебе. И ты знаешь, *что* это за грехи, и Я знаю, *и эта женщина тоже знает твой грех.*»

Тебя, Симон, и других, таких же, как ты, фарисеев, не устраивали обличения Иоанна Крестителя, и вы говорили, что в нем бес. Вы отказались просить прощения у Бога и принять крещение от Иоанна. А теперь вы отказываетесь просить прощения у Меня – Того, Кто пришел от Бога. Так чего же вы хотите? Когда звучали похоронные песни, вы не плакали; теперь играет свирель, а вы не пляшете. Не плачете и не пляшете – так чего же вы хотите? Мало того: сами не спешите к новой жизни и другим не

даете ее начать. Если эта женщина, которая жила в грехе, но потом решила порвать с ним, потому что поверила в Меня, выбрала такой способ благодарности, что тебе до того? Это ее решение. Она пролила *свои* слезы, а не *твои*; она возлила *свое* благоухающее миро, а не *твое*. Свое ты придержал у себя, а она нет. Задумайся, у тебя еще есть шанс».

– Прощены твои грехи, – сказал Иисус женщине, – вера твоя спасла тебя. Иди с миром.

И это было последнее, что я услышал от Иисуса.

– Кто же Он такой, что даже грехи может прощать? – говорили между собой те, кто был за столом.

Вскоре все ушли, остался я один, один на один с собой и своими думами.

Я понял, что Иисус видел меня насквозь. Он знал меня лучше, чем я знал себя сам. Моя религия не научила меня главному. Я внушил себе, что держусь от греха подальше, на самом же деле жил в грехе, прикрываясь личиной благочестия. Я усвоил такую религию, которая не дружила с правдой. Я признавал только одну правду – ту, которая касалась *других* людей, *их* грехов, *их* пороков, *их* недостатков. Но я отвергал правду, которая касалась меня. И я не был в одиночестве. Поэтому-то мы, фарисеи и учителя Закона, отвергли Иоанна, не крестившись от него. Мы придирались к его внешнему виду, к его манерам. На самом же деле нас не устраивало только одно – то, что *этот человек говорил правду*. Иисус нас не устраивал по той же причине: *Он говорил правду*. Но как Он ее говорил?

Могу представить, что случилось бы с моей репутацией, если бы Он вслух, прилюдно сказал о том, в чем я грешен. Меня постигла бы такая же участь, как и тех моих коллег,

которые привели к Иисусу женщину, застигнутую в прелюбодеянии. Сначала они схватили женщину, а потом камни. Они считали, что женщина сотворена для мужчины, а камни для женщины. Но Иисус удержал их от этого безумия. Склонившись, Он начал что-то писать на песке. Один за другим они подходили и читали, что там написано. После этого камни выпали из их рук. Они посмотрели в зеркало, и зеркало им сказала: виновны. В стыде, будучи обличаемы совестью, они разошлись.

Несколько минут назад Иисус, Которого я пригласил в свой дом, спас мою репутацию и не стал публично обвинять меня в моих грехах. Поначалу я подумал: «Если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ведь она грешница». А потом я убедился: Иисус знает все. Женщине Иисус простил грех в пятьсот динариев, и вот как она отблагодарила Его: слезы, поцелуи, благоухающий аромат духов. А во мне не нашлось мужества попросить у Иисуса прощения хотя бы на пятьдесят динариев, в десять раз меньше! Отсюда и моя скудость: ни воды, ни масла, ни поцелуя Иисус от меня не удостоился.

– Иди с миром, – сказал Иисус женщине.

И она ушла из моего дома с миром. А я остался, но мира в моем доме не было. Не может быть мира в доме, если его нет в сердце. Я остался один, совершенно один.

Выводы

- 1. В духовной жизни позиция: «ни да, ни нет» неприемлема. Капризы человека вызывают**

тошноту у Бога. О человеке духовно не определившемся и даже не собирающемся это сделать сказано, что он не холоден и не горяч. Соответственно, его участь предрешена: быть исторгнутым из уст Христа (Откр. 3:16).

2. Тайного нет, потому что Бог есть. Написано: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным, и скрытого, что не стало бы известным и не вышло на свет» (Лк. 8:17; ИПБ). «Всякое дело Бог приведет на суд и все тайное, хорошо ли оно, или худо» (Еккл. 12:14).

3. Покаяние – это не слова, брошенные на ветер, а слезы, пролитые в тишине. Более того, слезы человека – это сокровище Бога. Древняя молитва гласит: «Положи слезы мои в сосуд у Тебя» (Пс. 55:9). Написано: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4). «Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь» (Лк. 6:21). В глазах Божьих слезы грешника всегда дороже слов праведника.

4. К чужим грехам будьте снисходительны, а к своим – строги. Не осуждайте других, чтобы и другие не осудили вас. Написано: «Каким судом судите, таким и сами судимы будете, и какой мерой мерите, такую же отмерится вам» (Мф. 7:2; ИПБ).

5. Принятое прощение делает человека благодарным и щедрым; отвергнутое прощение делает его осуждающим и скупым. Нераскаившийся человек опасен для окружающих. Такому

человеку лучше на дорогу не попадаться, особенно если ты – его должник. Его действия вполне предсказуемы: своего должника он схватит за горло и станет душить, требуя: «Отдавай то, что должен» (Мф. 18:28; ИПБ). Предсказуемы и действия того, кто осознал, как много ему простили: «Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас» (Еф. 4:32).

6. Насколько Иисус бескомпромиссен к греху, настолько же Он деликатен в обращении с грешником. Об Иисусе и Его суде над грехом и грешниками сказано так: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его... Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин. 1:5; 3:19). Как нет и не может быть компромисса между светом и тьмой, так не может быть компромисса между Иисусом и грехом. Что же касается Его деликатности в обращении с грешниками, то наиболее убедительно она проявилась в том, что Иисус, зная об окружавших его людях все (Ин. 2:25), не говорил об этом вслух и не отталкивал их от Себя, но открывал перед ними иную перспективу – жизнь в свете Господнем.

Тело и дело

Лк. 17:11–19

Прошло уже несколько недель с тех пор, как Иисус твердо вознамерился в последний раз пойти в Иерусалим. Он знал, что ничего хорошего Его там не ждет. Тем не менее Он шел туда, не допуская и мысли, чтобы отказаться от возложенной на Него миссии. По дороге в Иерусалим Его сопровождают ученики. Как и прежде, Он не перестает их учить. Самые важные уроки они должны извлекать из живых встреч с самыми разными людьми, из непредсказуемых ситуаций, в которых оказывается их Учитель. Где-то на границе Самарии и Галилеи, этих давних и недружественных областей, при входе в безымянное селение Иисуса встречают десять изуродованных проказой человек. Кем они были и что произошло с ними после встречи с Иисусом, — об этом рассказывает один из них.

Вместе с девятью другими призраками я жил на окраине отдаленного селения. Никто нас в селение не пускал,

хотя там и были наши родственники. Да мы и сами уже не хотели туда, привыкли жить здесь, в заброшенном известняковом карьере. Кого раньше, кого позже, нас всех согнала в это место проказа.

Как голодного может понять только другой голодный, так прокаженного может понять только другой прокаженный. Любой, кто завидит нас, отворачивает свое лицо. Ему не по себе от того, что он видит. Да и на что тут смотреть? Что ни лицо, то сплошной струп: ни возраста не определить, ни сословия. У одних рот увеличивается, у других – зарастает, кушать почти невозможно. Страшны лица, превратившиеся в один сплошной зияющий беззубый рот, страшны и лица без рта. Мы смотрим, но видим сквозь гной. Мы слышим, но слышим сквозь гной. Мы обоняем, но обоняем сквозь гной. Мы кушаем, глотая пищу вместе с гноем. Нас обволакивает смрад, из нас исходит смрад, но мы этого даже не замечаем.

Вся кожа в язвах, вместо рук культы. Суставы сгнили и отпали. В других местах появились наросты дикого мяса. Живем в проклятии, несем его на себе и терпим боли невыносимые. Мы ведем жизнь собак, наводя ужас на всякого встречного. Спим на камнях, пока они еще сохраняют тепло дневного солнца. Помыться и лечь в чистую постель – это вещи настолько заоблачные, что мы о них даже не мечтаем. Наше единственное одеяло – это мириады мух, которые облепливают открытые раны по всему телу.

Днем нас мучает жной, а ночью мы дрожим от стужи. Малейшие колебания воздуха с болью улавливаются каждой открытой раной. Если поднимается песчаная буря, спасенья от песка и пыли нет, все оседает на гноящиеся язвы. Наша жизнь – это сплошное ощущение боли. И так